

Московские послы в Бахчисарае и Сарайчуке: между
требованиями русского протокола и реальностью
(эпоха Ивана Грозного)¹

Аннотация: Статья посвящена анализу установлений московского дипломатического протокола и его реальной применимости в постордынских государствах во 2-ой пол. XVI в. В основу исследования положены «наказные памяти», инструктивные документы русских посольских миссий и «отписки» - доклады русских дипломатов об осуществлении миссии. Одним из важнейших протокольных конфликтов – были споры вокруг «придверной пошрины», унаследованной татарскими государствами от Золотой Орды. Способы разрешения этой проблемы и стали предметом авторского анализа.

Ключевые слова: Переписка Ивана Грозного, дипломатическая корреспонденция, посольский церемониал, дарообмен.

M.V. Moiseev

Moscow Ambassadors in Bakhchisaray and Saraychik:
between the Requirements of the Russian Protocol and Reality
(the Era of Ivan the Terrible)

Abstract: The article is devoted to the analysis of the Moscow diplomatic Protocol and its real applicability in the post-hordian states in the 2nd half XVI century the basis for the research is based on the “pamyat”, guidance document of the Russian Embassy missions and "otpiski" - reports of the Russian diplomats on the implementation of the mission. One of the most important Protocol of the conflict was the controversy surrounding "courtly duties" inherited Tatar States of the Golden Horde. The ways of solving this problem became the subject of the author's analysis.

© М.В. Моисеев, 2019

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 16-18-10091). Руководитель проекта – К.Ю. Ерусалимский.

Keywords: Ivan IV's Correspondence, diplomatic correspondence, Embassy ceremony, gift exchange.

Развитие отношений между Московским государством и татарскими ханствами и ордами, подразумевало под собой и развитие дипломатического церемониала. Особенно это очевидно если мы примем во внимание, что еще во второй половине XV в. московский великий князь был данником хана Большой Орды, а уже в середине XVI в. сам принял царский титул и покорил два татарских государства: Казанское и Астраханское ханства. Существенным моментом в понимании царского титула стало то, что он воспринимался как титул «вольного человека», то есть абсолютно суверенного монарха. Такая позиция очевидным образом вступала в конфликт с теми элементами посольского церемониала, который сложился в татарских государствах после распада Золотой Орды. Прежде чем перейти к анализу реакции московской дипломатии на этот церемониал рассмотрим его в общих чертах.

Посольский церемониал постзолоордынских стран, как представляется, в значительной степени восходил ко временам могущества Золотой Орды. Многие из его элементов имели непаритетный, а местами и унижительный для отправляющей дипломата стороны характер. Особенно ярко это проявлялось в практике взимания, так называемой «придверной пошлины».

Во всех государствах, некогда входивших в Великое монгольское государство, бытовал обычай, по которому дипломатические представители разных стран за право аудиенции платили так называемую придверную пошлину. О подобных порядках в Улусе Джучи писали Джованни дель Плано Карпини и Гильом де Рубрук². Бытовал этот обряд и в бывшем Чагатайском улусе³. Русских послов требование пошлин и поминков преследовало, едва они приближались к улусам степняков. Уже в ставке бия к ним посылался теку-дуван, управлявший финансовыми вопросами, и требовал

² История монгалов / Дж дель Плано Карпини. 3-е изд.; Путешествие в восточные страны/ Г. де Рубрук. 3-е изд.; Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнуга. М.: Мысль, 1997. С. 59, 70–71, 110–111.

³ *Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию, 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань: Александрия, 2007. С. 211, 212, 213, 215, 218.

пошлин, после этого на посла «наседали» карачи «трех орд» (в случае с Ногайской Ордой) и придверники⁴.

В той или иной форме ритуал придверной пошлины вступал в конфликт с репрезентацией царской власти Ивана IV, как «вольного человека», которая, надо сказать в целом принималась татарской стороной. Например, в ногайских посланиях мы встречаем подобное титулование Ивана Васильевича. В письме Али-мирзы от октября 1550 г., рассказывается о ногайском походе на Крымское ханство совершенном «...волново человека и белово князя для»⁵. Исхак-мирза в 1552 г. начинает послание словами: «Волному человеку бѣлому князю Исак мирзино слово»⁶. То же самое мы встречаем и в послании Араслан-мирзы от 1552 г., Касим-мирзы от января 1555 г. и Юваш-мирзы от декабря 1555 г.⁷ Позднее «волный человек» исчезает из интитуляции грамот, но продолжает использоваться в основном тексте письма⁸ или в интитуляции посланий царевичу Ивану, как это сделали Хасанак-мирза и Дин-Али⁹. Казалось бы, учитывая амбиции правящей элиты Крымского ханства, крымские ханы и, в целом, весь нобилитет должен бы не допускать именование Ивана Васильевича «вольным человеком». Однако это не совсем так. Несмотря на то, что для русско-крымской переписки характерно именование «волным человеком» крымского хана, существует один, но важный прецедент: хан Сахиб-Гирей в июле 1538 г. именуется тогда еще великого князя Ивана «волным» человеком¹⁰. Очевидно, что в принципе татарские ханы и знать признавали русских великих князей, а потом и царей суверенными монархами, при чем это было принято еще до принятия Иваном Васильевичем царского титула. Вместе с тем это признание не имело глубоко воздействующего характера, чтобы перестроить весь посольский церемониал. Напротив, учитывая амбиции и крымских ханов и ногайских биев на верховенство на постордынском

⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Сост. Б.А. Кельдасов и др. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. С. 125–126.

⁵ Там же. С. 311–312.

⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов Казань: Татарское книжное издательство, 2006. С. 96.

⁷ Там же. С. 106, 161, 183.

⁸ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 251, 371об.; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 110.

⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 126, 128.

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 538.

политическом пространстве, сам посольский церемониал оказался весьма консервативен и направлен на подчеркивание непаритетного характера отношений. Все это создавало известный когнитивный диссонанс, когда и послам, и самим участникам церемониального действия было понятно, что сами отношения это уже не отношения господина и подчиненного (а иногда и роли в реальности менялись), однако традиционный сценарий по-прежнему выполнялся.

В свою очередь, дипломатический церемониал Московского государства в отношениях с татарскими государствами был направлен на то, чтобы подчеркнуть свой суверенный статус. Этой цели были подчинены не только принципы составления документов и ритуалы встречи посольств, но и нормы поведения русских послов, посланников и гонцов в ханствах и ордах. Документом, фиксирующим эти нормы, являются «наказы» или «наказные памяти» которые вручались послам¹¹. Проанализируем для примера наказную память Истоме Терентьеву сыну Осорьину, направленному в Крымское ханство в 1567 г.¹². Сам этот документ начинается именно, что с протокольных требований. Первое: «И хто его встретит на дорозе от Девлет-Кирея, царя, а что ему от него привезет, – и Истоме взяти, да дати от себя тому человеку что будет по пригожю, по тому ж как наперед того царевы и великого князя гонцы царевым людем давали на встрече»¹³. Здесь мы видим норму, регулирующую имущественные отношения между дипломатическими представителями Московского государства и Крымского ханства. И хотя данная ситуация свидетельствует о горизонтальных связях, но тем не менее правительство регламентирует и это в целях недопущения создания возможного прецедента. Во-первых, гонец вступает в отношения дарообмена по своей воле и что важно «от себя», что сводит этот факт к личным связям, а не к государственной практике, а во-вторых, сам преподносимый дар не должен выбиваться из череды подобных даров предыдущих гонцов. К примеру, русский посланник в Ногайской Орде

¹¹ Внимание историков эти источники привлекли внимание в первую очередь, потому что они позволяли судить о степени информированности и заинтересованности московского двора в общей повестке международных отношений. См. например: *Рогожин Н.М.* Наказы русским послам XVI в. как исторический источник // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 года) / Отв. ред. Н.А. Соболева. М.: ИРИ РАН, 1993. С. 44–70.

¹² Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. (далее – КПК–13) / Отв. редактор М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. С. 142–154.

¹³ КПК–13. С. 142–143.

Михаил Сунбулов в подобной ситуации должен был дать встречавшему «шуба лехка» или однорядку¹⁴. Следующее важное требование – это требования размещения гонца вместе с послом, а не у кого-либо из крымской знати¹⁵. Сама эта норма вполне понятна из соображений безопасности и сохранения тайны информации, но она может быть прочитана и как церемониальная, в таком случае мы можем говорить о необходимости сохранения единства между членами миссии, как уже находящихся в Бахчисарае, так и только прибывших. Так же, что важно в этом случае хан является принимающей стороной, а не кто-то из его окружения и соответственно блокируется возможность, впоследствии говорить о снижении статуса самих отношений. В определенном смысле можно полагать, что в этом требовании отразилась некая «местническая ментальность» царя Ивана и его чиновников.

Далее следовало требование ни в коем случае не платить ту самую «придверную пошлину» с которой я и начал свой рассказ. Итак, от Истомы требовалось: «и пошлин никаких не дати»¹⁶ и, надо сказать, это требование одно из самых общих для всех наказов. Его мы встречаем во всех наказных памятях и гонцов, и послов, и посланников. Эти документы позволяют говорить, что само взимание «придверной пошлины» имело разработанный церемониальный характер. Так, от Михаила Сунбулова, посланника в Ногайской Орде требовалось не просто не дать пошлин, а устоять от такого «соблазна» в ходе предполагаемой аудиенции. «А нечто батог покинут да учнут пошлин просити у батога» и Михаилу «пошлин никак не давати», «а у двереи учнут просити пошлин» и вновь пошлин не давать. Если же требования пошлин не прекратятся, то посол должен был уйти¹⁷. Наказы с подобными требованиями выдавались и другим послам и посланникам¹⁸. Вне всяких сомнений, сохранение придверной пошлины рассматривалась русскими как вопиющее нарушение их суверенности. Не даром в наказах рекомендовалось своим представителям вопрошать татар: «Коли промеж государей доброго

¹⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 81.

¹⁵ КПК–13. С. 142–144

¹⁶ Там же. С. 144

¹⁷ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 81об.

¹⁸ Например, см.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549... С. 111, 277; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 97 – 98об., 103об. – 104об., 114об. – 115об., 116; КПК–13. С. 144–145, 147–148, 211, 312; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571 – 1577 гг. / Отв. ред. И. В. Зайцев. М.: ИД «Марджани», 2016. С. 128–129, 170–171.

дела нет, а царь свое слово молвил – на том слове не устоял, а государя нашего людей и гонцов грабит и безчестует, и пошлину вставляет, и потому меж государей и делу доброму как быти?!»¹⁹. Апелляция к международной практике, в которой эта пошлина отсутствует также была привычной для московских дипломатов²⁰. Если же доводы разума не имели силы, то дипломатам рекомендовалась переходить к угрозам. Так, Иван Чюдинов должен был заявить ногайскому бию, в случае если не будут прекращены требования пошлин: «которое безчестие учиниш здесь надо мною и государь нашъ и болши того велит безчестие учинит над твоими людми»²¹. В Крымском же ханстве Богдан Шапкин сообщал: «Сап-Кирей, царь, похотел был на государя нашего послех и гонцех пошлины имати, государь нашъ за то с ним и дружбу отставил и на его людех ту же сорому делал»²².

Итак, на лицо резкое и последовательное неприятие самой практики взимания придверной пошлины. Объяснить это можно только исходя из проблемы трибутарного характера взаимоотношений татарских государств и России. До сегодняшнего дня сохраняются острые споры вокруг объяснения значения тех или иных имущественных отношений между наследниками Орды и Москвой. В случае же с придверной пошлиной трибутарности для современников было даже больше нежели с «поминками» для историков нашего времени. Сам ритуал вымогательства пошлины с посла за право увидеть хана/бия и сообщить волю своего правителя указывал на то, что хан/бий находится неизмеримо выше, чем какой-то там русский царь. В определенном смысле право увидеть его это некий дар, который еще надо заслужить. Сложно сказать играло ли в этом действе в XVI в. представление о харизме, но очевидно, что в это время этот ритуал приобретает характер своеобразного дарообмена. Но что еще важнее, этот церемониал превращал царя-«вольного человека» в просителя и, по сути, разрушал его претензии на суверенность! Естественно, в таких условиях принять требование придверной пошлины, это согласиться на подчиненное положение в отношениях. Именно поэтому все инструктивные документы, разрабатывающие нормы поведения дипломатов запрещают пошлину платить и предлагают отказываться от аудиенции, лишь бы не платить пошлину

¹⁹ КПК–13. С. 313–314.

²⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 115 – 115об.

²¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 104об.

²² КПК–13. С. 313.

или даже угрожать возмездием, которое может постичь послов тех ханов или биев, которые будут упорствовать в этой практике.

Требование нормативных документов ясны, но что происходило на практике? Давайте рассмотрим несколько примеров. В 1534 году русский посланник Даниил Губин столкнулся с этой практикой, приобретшей к этому времени усиленный характер. Едва прибыв в ногайские улусы, посланник столкнулся с требованиями послов ногайских мирз отдать им посольские дары для их господ. Д. Губин воспротивился этому, тогда ногаи напали на него и сопровождавших гонцов и захватили «поминки», отправленные их сюзеренам. Уже во владениях бия орды Саид-Ахмеда его сын Султан-Ахмед потребовал пошлин, получив отказ, ограбил русского посланника. В ставке бия ситуация повторилась. Сначала бийский чиновник потребовал пошлин, Д. Губин отказал ему в этом, тогда на следующий день он явился с сопровождением и обыскал весь состав посольства (посланника и гонцов) изъять требуемые пошлины. После «княжого грабежу» к несчастному посланнику приехали пошлинники «от трех орд и придверники» и ситуация повторилась. Своеобразный сбор пошлин завершили карачи ногайской знати²³. Подобная практика продолжалась и позднее. Весьма показателен пример живучести «придверной пошлины» приводимый русским посланником в Ногайской Орде в 1551 году П. Тургеневым. Ситуация весьма напоминает ту что имела место почти два десятилетия назад с Д. Губиным: так же вначале требование «поминок», а затем двенадцать князей ногайского бия Юсуфа потребовали пошлин мотивируя это сложившейся международной практикой. Отказ уплатить пошлины, не мало, не поколебав ногаев, привел к силовому изъятию их²⁴. Конечно, можно полагать, что столь экстремальный способ получения пошлин с русских посланников и гонцов мог диктоваться враждебной к Русскому государству позицией. Вроде бы для этого есть основания. Упоминаемые выше случаи: ограбление Д. Губина и П. Тургенева имели место во время серьезного охлаждения русско-ногайских отношений. Инспирировали их бии Саид-Ахмед в 1534 году и Юсуф в 1551 году, оба были явно недовольны московской политикой в регионе. Однако такое предположение не будет справедливым. В 1554 году Исмаил, видевший в Москве своего главного партнера в борьбе за власть, точно так же приказал взять со всего посольства пошлины.

²³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549... С. 124–126.

²⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561... С. 52–53.

Русский посланник М. И. Бровцын об этом упоминает в своей отписке: «Да прислал, государь, ко мне казначея своего, да иных татар, да меня, государь, велел ограбити. И казначеи, государь, меня ограбили и татар твоих донога...»²⁵. Замечательно, что это происходило на фоне борьбы Исмаила с Юсуфом за власть в орде, а Бровцын должен был провести с первым секретные переговоры по возведению на астраханский престол Дервиш-Али, креатуры как раз Исмаила²⁶! Следовательно, характер взимания пошлин с дипломатических представителей Русского государства не был жёстко связан с позицией самих ногайских аристократов по отношению к Москве. Однако начало усобицы в Ногайской Орде внесло свои коррективы в процесс взимания пошлин с русских дипломатов. В один из острых моментов междоусобной борьбы в 1555 году Исмаил вовсе отказался брать пошлины, наоборот он повел себя «необычно» (именно так эту ситуацию охарактеризовал русский посланник И. Загряжский²⁷: приказав выдавать посольству корм ежедневно. Впрочем, такое поведение диктовала сложившаяся ситуация, так как против Исмаила поднялось большинство ногайских мирз²⁸. Ввиду сказанного любопытно, что другой русский посланник Мясоед Вислово, направленный к союзнику Исмаила Касиму, все-таки был «ограблен»²⁹. Вероятно, традиционное право взимания пошлин с дипломатов для ногаев было более действенным, чем изменяющаяся политическая обстановка. На нее не повлияли и бурные события 1557 года. В это время Исмаил на не продолжительное время лишился власти в орде: его сменили мятежные сыновья, погибшего в 1554 году, бия Юсуфа, и их сторонники. Правителем ногаев стал старший из Юсуфовичей – Юнус-мирза. Новый бий старался убедить московских представителей, что подобная смена власти не угрожает Русскому государству, борьбу же с Исмаилом переводил в плоскость «кровной мести» за убитого последним отца³⁰. Вместе с тем сбор пошлин с посольств отменен не был. Так, посла И. Тверетина ногаи «бесчествовали», хотя и характер этого не ясен. Примечательно, что

²⁵ Там же. С. 153 – 154.

²⁶ *Комиссаренко А.И., Моисеев М.В.* Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551 – 1556 гг.// Исторический архив. 2004. № 2. С. 201.

²⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561...С. 177.

²⁸ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2000. С. 270–284.

²⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561... С. 178.

³⁰ Там же. С. 247.

сами ногаи отрицали свою вину, возводя её на самого посланника: «...сам деи мужик дурен, не знает ни добра, ни лиха»³¹. С посланника Елизария Мальцева имелдеши Юнуса попытались взять пошрины, но им это не удалось. Как писал позднее в отписке сам герой происшествия: «государевым здоровьем взяв Бога на помоч, переступя страх, положили образец в Нагаех, каков преже того не бывал»³². Однако небывалый успех Е. Мальцева так и остался единичным. Взимание пошрин с дипломатических представителей Русского государства продолжался и позднее, хотя и видоизменившись. Так, в 1562 году с русского гонца в ставке Уруса взяли пошрины, хотя (в этом новшество) обещали позднее возместить³³.

Примечательна реакция посланников и гонцов Русского государства на эту ситуацию, отраженная в отписках и докладах дипломатов. Так, например, Даниил Губин пытался воздействовать на ситуацию словами. П. Д. Тургенев говорил «многие речи по наказу», а в момент силового изъятия пошрин просто покинул место, где это происходило, оставив ногаев наедине с желаемыми материальными ценностями. Примеры подобного развития событий можно еще множить, но, главное, это понять: чем объяснить эту повторяющуюся из раза в раз ситуацию. На наш взгляд мы здесь имеем место с неким церемониальным действием. Ногаи требуют положенную пошрину: ведь так заведено издавна. Московские дипломаты непреклонно отвечают отказом, затем «полаяв много» стороны на время расходится и после некоторого времени (как правило, на следующий день) ногаи берут свое, русский посланник покидает место, где совершается, согласно его словам, «грабеж». Таким образом, наиболее распространенной моделью поведения дипломатических представителей Русского государства в случае с «придверной пошлиной» долгое время был ритуальный отказ от ее выплаты и пассивное наблюдение за ее взиманием.

Однако после захвата Казанского и Астраханского ханств, а также начала ногайской усобицы середины XVI в. русские дипломаты, да и сами ногайские аристократы начали избирать иные сценарии преодоления означенного «протокольного тупика». Наиболее ярким суждено было стать поведению Е. Мальцева: в ответ на требование пошрин, он приказал открыть огонь из пищалей. Убив одного и 5–6 ранив, посланник обезопасил себя от взимания пошрин. Впрочем,

³¹ Там же. С. 245.

³² Там же. С. 246.

³³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 47–47об.

такая реакция являлась скорее исключением. Позднее взимание пошлин продолжалось, но ногайские аристократы старались возместить убытки понесенные дипломатами. Сохранение же этой практики они мотивировали необходимостью содержать свое окружение.

Итак, русские дипломаты, исключая радикальную реакцию Елизара Мальцева, избирали пассивную стратегию сутью которой было стремление превратить пошлину в фактический грабеж. Мы же помним, что послам рекомендовалось угрожать, что в Москве послов их оппонентов будут ждать ответные меры. Известны ли нам примеры подобного? Ответ утвердительный. Например, хану Девлет-Гирею сообщалось, что царь: «...велел ... гонца Мустофу-шиха ограбить Ондreja Щепотеву за то, что у Ондreja Сулеш взял в наши поминки»³⁴. Однако, ни угрозы, ни их применение в действие, так и не привели к тому, что бы татарские правители отказались от практики взимания придверной пошлины. В итоге, наиболее действенным оказалось превращение этого ритуала в своеобразный спектакль. В котором татары, требуя законных (с их точки зрения) выплат с русских дипломатов, наталкивались с их стороны на стойкий отказ, были вынуждены силой взимать придверную пошлину. Русские же послы и посланники жестко отказывавшиеся эту пошлину отдавать, затем отходили в сторону и безропотно позволяли татарам входить в посольские шатры, подходить к возам и забирать необходимое. Создававшаяся ситуация позволяла каждой из сторон трактовать событие максимально удобным для нее образом. Для Крымского ханства и Ногайской Орды – это было свидетельство сохранения славных ордынских традиций, а для Москвы – заурядный грабеж, а не возвращение тени былой зависимости. Такая ситуация позволяла выйти из «протокольного тупика» создававшегося известным противоречием между сложившейся дипломатической практикой постзолотоордынских государств и решительным требованием великокняжеской канцелярии «пошлин не давать». В результате подобного «грабежа» московские дипломаты пошлин как раз официально и не давали и, соответственно удар по престижу Московского государства был минимальным.

³⁴ КПК–13. С. 147.

Информация об авторе:

Максим Владимирович Моисеев, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра научного проектирования, Российский государственный гуманитарный университет; заведующий сектором отдела «Музей Археологии Москвы», ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»; maksi-moisee@yandex.ru

Information about the author:

Maksim V. Moiseev, Ph.D. in History, research fellow of the Center for Scientific Projects Development, Russian State University for the Humanities; Head of the Department of the Archeological Museum, Museum of Moscow; maksi-moisee@yandex.ru